

УДК 316.477

АМЕРИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: РЕАЛИЗМ И ПРАГМАТИЗМ

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва, РФ). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

В статье анализируются ментальное своеобразие духовного склада американского суперэтнуса и сложившиеся на его основе самобытные философские направления. Рассмотрены взгляды ключевых представителей этих течений и наиболее интересные их идеи.

Ключевые слова: духовное своеобразие американского способа отношения к действительности, критический реализм, неореализм, прагматизм/

THE AMERICAN PHILOSOPHY OF CLASSICAL PERIOD: REALISM AND PRAGMATISM

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Self-American philosophy appears in the New World in the late nineteenth century, when in North America a stable democratic political system based on the free market economy and individualistic values that shape the development of the university system was established. The American philosophy in the intellectual form expressed typical mindset spiritual way of existing in the seventeenth to nineteenth centuries. This is the mindset of radical individualism, spiritual pluralism and relative religious tolerance. Here sober calculation and common sense are with extreme spiritualism and deep provincialism with the American centrism. Flowsof “realism” and “pragmatism” are theoretically the most authentically expressed these features.

Historians of philosophy distinguish the two forms of realist philosophy, namely neorealism and critical realism. Neorealism states the possibility of direct access to the outside world through sensory perception and adequate statements about them. In contrast, critical realism denied the possibility of direct perception of external objects and inclined to accept the truth of Kant’s division of the world of the things-you-for-itself and thing-for-us. The author considers as typical representatives of these areas Ralph Barton Perry, Edwin Holt and George Santayana. The article provides an analysis of the most original ideas of these philosophers. This is a position Perry “egocentric difficulties” and his theory of “immanence independent”. Edwin Holt offered interesting doctrine of “metaphysical neutral entity”. Santayana has developed regulations on “animal faith” and “the four kingdoms of existence”.

In the final part, the paper describes the main ideas of classical pragmatism of Charles Peirce, William James, John Dewey and Ferdinand Schiller.

Keywords: spiritual uniqueness of the American way of relating to reality, critical realism, neo-realism, pragmatism.

Самостоятельная философия появляется в Новом Свете, как, кстати, и в России, довольно поздно – где-то к концу XIX столетия, когда в Северной Америке установился относительно стабильный политический режим демократии, ба-

зирующийся на свободном рыночном хозяйстве и индивидуалистских ценностях, сформировалась развитая университетская система. Философия в Америке в полной мере подтверждает правомерность гегелевского положения о том, что «опреде-

ленный образ философии одновременен... с определенным образом народов, среди которых она выступает, с их государственным устройством и формой правления, с их нравственностью, с их общественной жизнью, с их сноровками, привычками и удобствами жизни, с их попытками и работами в области искусства и науки, с их религиями, с их военными судьбами и внешними отношениями...» [1].

Американская философия в интеллектуальной форме выразила характерные умонастроения духовного уклада, сложившегося в течение XVII–XIX столетий в полиэтническом конгломерате, который образовывали, как правило, активистские, пассионарные элементы из этносов Старого Света. Это умонастроения радикального индивидуализма (культ «сильной личности»), духовного плюрализма, относительной межконфессиональной терпимости, где трезвый расчет и здравый смысл соседствуют с крайним спиритуализмом, а глубокий провинциализм с американоцентризмом. Именно «реализм» и «прагматизм», как представляется, теоретически наиболее аутентично выразили эти особенности.

Первый из них выразил, по-видимому, сам характер ценностного строя американского суперэтноса – унифицирующий синтез в одно ментальное целое самых противоречивых духовных элементов на основе принципов «здравого смысла» и «чувства реальности». Соответственно, и в философской теории «реализм» также представляет собой синтез казалось бы несоединимого (по крайней мере с точки зрения западноевропейской философской традиции): радикального эмпиризма и объективного идеализма.

Прагматизм, похоже, выразил доминирующую ориентацию на эффективность, успешные последствия как высшие мерил человеческой жизненной активности. В прагматизме философски легитимируются главные координаты американского мышления: значения здравого смысла и естественной установки, активизма и стремления к инновациям, сциентизма и спиритуализма, утилитаризма и рационализма (на фоне религиозной веры фундаменталистского склада).

Обратимся, однако, к рассмотрению характерных персонажей названных философских направлений. Если ранее, в истории философии,

термин «реализм» применялся в основном для обозначения одной из позиций в средневековой философии по проблеме онтологического статуса общих понятий – универсалий (которые полагались существующими либо наряду с вещами, либо в конкретных вещах), то сейчас под «реализмом» понимается определенное философское направление, сложившееся в англо-американской философии начала XX века. Философы этого направления говорят о существовании объективной, независимой от человека, но познаваемой действительности, которая включает в себя как материальное, так и идеальное в качестве неотъемлемых своих ингредиентов.

Различают две формы реалистской философии: неореализм (или непосредственный реализм) и критический реализм. Пункт их расхождения – вопрос о характере познания внешнего мира. Неореализм заявляет о возможности непосредственного доступа к внешнему миру через чувственное восприятие и адекватные высказывания о них, апеллируя к непосредственной очевидности. Из этого следует признание объективности чувственных качеств (цвет, вкус, запах и пр.) и интуитивизм в теории познания. В противоположность неореализму критический реализм отрицает возможность непосредственного восприятия внешних объектов и склонен признавать правоту кантовского членения мира на вещи-сами-по-себе и вещи-для-нас.

Как самостоятельное философское течение неореализм возникает в последней трети XIX века в Австрии и Германии (Ф. Brentano, А. Мейнонг). Англо-американский неореализм берет свое начало со знаменитой статьи Дж. Мура «Опровержение идеализма» (1903) и от «Программы и первой платформы шести реалистов» (1910) – Р. Б. Перри, У. Монтегю, Э. Холта, Э. Сполдинга, У. Марвина и У. Питкина. Кроме этого к неореалистам относят и так называемое «космологическое» направление, представленное работами С. Александера, А. Н. Уайтхеда и Я. Л. Смэтса.

В качестве характерного типажа *неореалистской философии* рассмотрим взгляды Ралфа Бартона Перри (1876–1957): критику идеализма за использование «эгоцентрического затруднения» и концепцию независимости объекта и непосредственности его постижения [2].

«Эгоцентрическое затруднение» состоит в том, что мы не можем иметь дело с объектом вне его отношения с субъектом и вне отношения познания. Ведь иметь дело с объектом или даже думать о нем – уже означает в каком-то смысле познать его. Вследствие этого сама познавательная ситуация изначально и неустранимо предполагает центральное место в ней субъекта.

Перри предложил ряд аргументов против эксплуатации идеалистической философией подобного затруднения.

1. Идеализм незаконно использует индуктивный метод сходства в таких условиях, когда сходство вызвано особыми причинами. Иначе говоря, неправомерно из факта, что некоторые объекты познаются делать выводы о том, что любой объект зависим от познания. «Быть познанным» – это скорее случайное для объектов отношение, в которое они могут вступать, а могут и не вступать.

2. Ошибка идеалистического рассуждения, основанного на эгоцентрическом затруднении, является особым видом общей ошибки «определения посредством первоначальной предикации», суть которой состоит в том, что какие-то первые попавшиеся, привычные или иные случайные характеристики вещи рассматриваются как определяющие ее. Другими словами, привычное для нас отношение «быть познанным» полагают неотъемлемым элементом, определяющим природу любого объекта.

3. Следствием эгоцентрического затруднения также является и ошибка «исключительной принадлежности». Она заключается в предположении, что некоторый частный член какой-то системы принадлежит только этой системе. Предполагается, что идеи принадлежат только системе разума и не могут принадлежать внешнему миру. На самом же деле, из реальной практики мы знаем, что многие объекты принадлежат одновременно многим системам и нет никаких серьезных оснований утверждать, что идеальные объекты являются исключением и относятся только к системе разума.

Таким образом, критика неореализма была направлена как против идеалистической установки на объявление зависимости объекта от процесса познания, так и против установки репрезентативного реализма о недоступности целостного

познания объекта. Задача неореалистов состояла в совмещении, с одной стороны, принципа независимости объекта, а с другой – принципа непосредственности его постижения. Реализации этой задачи послужила теория «имманентности независимого» Перри. Ее основные постулаты заключаются в следующем.

Первое. Перри полагает, что сознание следует рассматривать не как особую, мирозозидающую структуру, а как объект среди других объектов. Метод наблюдения за человеческим поведением, деятельностью тела и мозга, показывает нам, что сознание на самом деле не является чем-то особенным в сравнении с другими элементами окружающей среды. Это некоторое свойство физического организма, позволяющее последнему осуществить поведенческий выбор посредством пассивного постижения окружающего. Подобное постижение осуществляется с помощью категорий, но эти категории принадлежат не только разуму, но и области вещей. Ведь иначе, по Перри, их познавательная ценность была бы невелика.

Второе. Наши идеи, полагает Перри, есть некоторый аспект объектов окружающего мира, а вещи мира, взятые в отношении познания, суть идеи. Это означает, что когда вещи познаются, они суть идеи разума и *содержание сознания состоит из частей окружающей среды, освещенных действием организма*. Таким образом, через качественное отождествление содержания нашего сознания с его окружением неореалисты достигают полного монизма.

Третье. Хотя вещи могут непосредственно входить в содержание сознания, это не означает зависимость объекта от сознания – объекты независимы от сознания. Перри утверждает, что между внешними предметами и сознанием существует отношение односторонней независимости, которое связано с зависимостью в обратном направлении – сознание зависит от предмета, но предмет не обязательно зависит от сознания.

Более оригинальной интерпретацией мира в рамках неореализма представляется «метафизика нейтральных сущностей» Эдвина Холта (1873–1941). Ее оригинальность заключается в объявлении значения (а не ощущения, как у Э. Маха) нейтральной всеобщей сущностью, кирпичиком мироздания, не имеющего, однако,

соотносящейся с субъектом квалификации (на материальное либо идеальное). Эти сущности нейтральны и не ограничены принадлежностью исключительно к разуму или к материи, они могут одинаково свободно входить как в физические, так и в психические ряды, не теряя при этом своего собственного характера; в любом контексте они остаются самим собой.

Эти элементы представляют собой значения, «логические сущности», безразличные к своему пространственно-временному или какому-либо иному положению. Так, белизна вчерашнего облака равна белизне сегодняшнего снега, а та, в свою очередь, равна белизне как таковой (воспринимаемой или нет). Поэтому все мироздание и представляет собой конгломерат подобных нейтральных сущностей-значений. Свой субъект-объектный вид реальность приобретает благодаря «сечению сознания». Почему происходит возникновение этого не-нейтрального начала, «взбаламучивающего» тихо-нейтральную заводь Вселенной, неясно. Так или иначе, но сознание, по Холту, не локализовано в определенном фрагменте, а является сечением бесконечной области бытия, которое, вместе с тем, определяется реакциями организма, обладающего нервной системой. Это сечение создается органами чувств всех живых организмов (от амобы до человека) в корреляции с объектами зон контакта восприятия. Именно оно делает нейтральные элементы-значения «значениями-для-кого-то» (в том числе и для человека).

В концепции Холта есть оригинальный тезис о градации значений в зависимости от самоорганизации материального мира, который, усложняясь в какой-то своей части, трансформирует и свои первичные элементы. Так появляются сечения жизни и сознания, где нейтральные значения мира стали значениями жизни и сознания – жизнь и сознание сами создают свой мир, вселенную своих значений. Но и под слоем значений жизни и сознания мы можем обнаружить первозданный состав – сечение объекта, если создадим ситуацию, когда какая-то часть объекта определяется некоторым законом, не зависящим от законов, определяющих объект в целом, тогда эта часть обычно пересекается с целым таким образом, что обнаруживается по существу нейтральное строение этого объекта.

В результате неореализм переосмысливает субъективистский кантовский тезис о том, что сознание творит значения своих картин мира (из материала первичных ощущений) и превращает его в объективистский, онтологический – сознание творит свой мир, трансформируя саму первичную реальность, хотя бы только в зонах жизни и в зонах своих контактов с окружающим.

Неореалистское отождествление идей нашего сознания с некоторыми аспектами внешних предметов вызвало неприятие части реалистски ориентированных философов. Тезис о непосредственности доступа к действительности приводил к невозможности определения заблуждения (сны, галлюцинации также дают нашему восприятию определенные «объекты»). Реакцией на эти эпистемологические трудности было появление *критического реализма*, представители которого (Дж. Сантаяна, Р. В. Селларс, А. Лавджой, Д. Прагг, А. Роджерс, Д. Дрейк и Ч. Стронг) консолидировались для написания программного сборника под названием «Очерки критического реализма» (1920). Они категорически выступили против представления о непосредственности вхождения вещей в сознание, равно как и против представления об участии идей в объекте. Вместе с тем, они были не согласны и с тезисом радикальных эмпириков, типа Дж. Беркли, о том, что мы познаем лишь наши идеи. Их лейтмотив: мы познаем сами независимые от нас объекты, но посредством наших идей.

Наиболее интересен из критических реалистов Джордж Сантаяна (1863–1952), создавший в своем учении удивительное сочетание радикального эмпиризма и объективного идеализма, представленное в его работе «Скептицизм и животная вера» [3].

Основы своего мировидения Сантаяна, как и Р. Декарт, создает через радикальное сомнение. Однако, если Р. Декарт остановился на реальности «я», то Сантаяна считает, что с исключением материального мира память, ожидание, а также само самосознание должны быть также непременно элиминированы. Остаются только данные опыта, чье существование поддерживается нашим неослабным вниманием или интуицией. Само их существование есть скорее акт нашей веры, и если мы откажемся от этой веры, то сомнение будет полным.

Что же остается? Только эти непосредственные данные опыта, которые, однако, не существуют – они значат, ибо «существовать» для «я» синонимично «внешнему», само же «я» для себя скорее конкретно «значит». Таким образом, Сантаяна радикально разводит значение и существование: первое есть суть качество нашего сознания, которые он называет «сущностями» (универсалии, логические формы), второе – результат полагания (утверждения) нашим сознанием этих сущностей в качестве внеположенных объектов (значения объектов).

Предикация же существования происходит в актах интуиции и веры. Другими словами, человек наделяет вещи свойством «быть» и поддерживает это свое представление об определенном порядке существующих внеположенно вещей лишь благодаря своей «животной вере». Животная вера или априорная (вне опытная и доопытная) убежденность в существовании независимого внеположенного человеческому сознанию мира вещей выражает, по мнению Сантаяны, естественно родовое стремление людей к созданию для себя уверенности в прочности реальности. Подобная вера и фундирует собой все наше сознание. Поэтому каждое мгновение нашей сознательности – это всегда вспышка интуиции, которая высвечивает смыслы «слепых» ощущений. Гаснет интуиция – исчезает смысл.

Сознание, как считает Сантаяна, есть всегда в сознании о чем-то. Это нечто полагается самим сознанием и поэтому является его непосредственным данным. Интуиция и есть акт полагания и схватывание данного. Собственно говоря, интуиция Сантаяны – скорее всего акт удерживающего внимания (метафора «включения света»), благодаря которому перед внутренним взором оформляется значение какого-либо фрагмента внутреннего или внешнего содержания. Поэтому непосредственные данные столь очевидны для самосознания. Но они, очевидно, «значат» для самосознания, а то, что их принимают за сообщения о реально существующих вещах – заслуга животной веры: само собой разумеющегося отнесения наших впечатлений и мыслей к фактам внешнего мира – рационального инстинкта или инстинктивного разума. Именно животная вера превращает сущности в идеи и впечатления, а затем выносит их во вне, создавая иллюзию существования.

Подобное состояние дел, а именно наличие в сознании форм или сущностей, Сантаяна объясняет отнюдь не особыми качествами сознания. Сущности или логические формы являются постоянной константой всего мироздания. Вселенная образуема пересекающимися, качественно различными бытийными плоскостями или «царствами бытия» по терминологии Сантаяны. Их четыре: царство сущности (наиболее непосредственно доступно нашему сознанию), царство материи, царство истины и царство духа. Однако, все они в сущности могут быть сведены к двум: к материальному и идеальному.

Царство материи представляет собой поток разнообразных физических процессов, динамических систем, находящихся во внешних отношениях друг с другом. Другими словами, материя-субстанция состоит из активных событий, в противоположность чему царства идеального образуемы из пассивных качеств, форм. Философскую систему Сантаяны часто называют платонистской. И действительно – мы видим отчетливый дуализм мира форм-сущностей и материи. Но отношение между этими онтологическими началами в картине мира Сантаяны принципиально иное, нежели чем у Платона. Здесь активна материя, а сущность чисто пассивна – это инертный предмет, нечто неспособное к самодвижению. Сущность никогда ничего не выбирает и не влияет на что-либо, ее выбирающее. Она входит в реальность только тогда, когда ее выбирают люди или вещи. В соответствии с этим она ждет, пока ее воплотят или заметят, если природа или внимание когда-либо решат остановиться на ней или пройти через нее.

Отсюда необычный, с точки зрения западноевропейской гносеологии, тезис о том, что истина следует за блужданиями материи, представляя собой сияющую тень или полутень, которую субстанция отбрасывает на область сущности в силу своего существования и движения.

Появление другого, характерного для Америки, философского направления – *прагматизма* – связывают со статьей Чарльза Пирса (1839–1914) «Как сделать наши идеи ясными», где он предложил новый метод выявления смысла, получивший название «прагматического». «Принцип Пирса» разъясняет другой виднейший философ этого на-

правления Уильям Джемс (1842–1910) в своей статье «Что такое прагматизм?». Он заключается в том, что «наши убеждения суть фактически правила для действия. Для того, чтобы выяснить смысл какого-либо утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия, которое оно способно вызвать: в этом способе действия и заключаются для нас все значения данного утверждения... Поэтому, чтобы добиться полной ясности в наших мыслях о каком-нибудь предмете, мы должны только рассмотреть, какие практические следствия содержатся в этом предмете, то есть каких мы можем ожидать от него ощущений и к какого рода реакциям со своей стороны мы должны подготовиться. Наше представление об этих следствиях – как ближайших, так и отдаленных – и есть все то, что мы можем представить себе об этом предмете...» [4].

Иначе говоря, «принцип Пирса» означал новое отношение к способу интерпретации знания: значение как таковое есть предвидимый опыт. Пирс вообще был пионером субъективистского толкования смыслового значения как отношения интерпретатора к денотату значения. Однако основные концептуальные выводы из принципа Пирса были сделаны Джемсом: если все, что имеет значение есть предвидимый опыт, то становится бессмыслицей прежняя дуалистическая парадигма субъекта и объекта всей предшествующей философии, неперемное и считавшееся самоочевидным деление познания на две стороны. В 1904 году в своем очерке под названием «Существует ли сознание» он провозглашает доктрину радикального эмпиризма: все, с чем имеет дело человек, – это только опыт или непосредственный жизненный поток, представляющий материал для нашего последующего отражения. Опыт – это то «первичное вещество», из которого состоит все в мире, где познание является скорее частным видом отношений между двумя порциями чистого опыта.

Это положение Джемса было более содержательно проинтерпретировано Джоном Дьюи (1859–1952) в контекстуалистском толковании опыта. Адекватный подход к познанию, по его мнению, требует рассматривать любое знание в контексте того конкретного исследования, в котором оно реально имело место. Прежние гно-

сеологии как раз абстрагировались от реального биологического и психологического контекста познания, пытаясь решить надуманный вопрос об отношении мысли вообще к реальности как таковой. Дьюи и предлагает новую, контекстуалистскую интерпретацию познания на основе джемсовского радикального эмпиризма. Вкратце она представима в следующих положениях:

- познание необходимо имеет биологическую и культурную спецификацию, то есть зависит от налично-родовых и социокультурных форм;
- оно непрерывно, его элементы находятся в состоянии постоянного взаимодействия (трансакции);
- каждый его акт – это попытка решения определенной проблемы в конкретной ситуации;
- природа, а также все, о чем только можно говорить, являются частями целостного опыта.

По существу, прагматисты следуют И. Канту в его феноменологической позиции. Мир сам по себе – это первозданный хаос ощущений, в котором наш интерес, наша избирательная активность выделяет отдельные образования, вызывающие наше внимание, которые мы и считаем вещами. Однако если их значения И. Кант относит к субъектной сфере, имеющей всеобщие, необходимые структуры, достаточно жестко обуславливающие логику интеллигибельного мира, то прагматисты плюрализуют мир наших значений и смыслов, который становится делом выбора.

Таким образом, если чувственная сторона реальности принудительна, то определенность составляющих ее вещей всецело зависит от нас, нашей точки зрения, выбора, цели. Наличие действительности принадлежит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас.

Аналогичным образом, только в еще более радикальной форме, рассуждал и Фердинанд Шиллер (1864–1937). Значение всегда должно мыслиться не изолированно, а как психологический факт, зависящий от его цели и использования. Не существует «действительного значения термина» вне его контекста. Единственная известная нам реальность, реальность для нас, в значительной степени создана нашим познанием. Поэтому любая реальность должна мыслиться в становлении, поскольку отождествлять фактически данный нам мир со всей Вселенной –

значит игнорировать потенциальность мира. Согласно формулировке Шиллера, мир есть по существу «бесформенная материя», *есть то, что мы из него делаем*. Бесплезно определять его посредством того, чем он был первоначально или чем является отдельно от нас.

В этой связи прагматистами разрушается миф о данном, как «окне в действительность». Данные скорее *берутся, чем даются*. Непосредственный опыт не дает нам привилегированного доступа к реальности-самой-по-себе. Опыт не познается, а существует – познаются в какой-то мере объекты. Сам опыт поэтому не может быть квалифицирован как «ложный» или «истинный» – он лишь наличествует, но суждения о нем могут быть проверяемы.

Таким образом, коль скоро значения объекта зависят в первую очередь от выбора субъекта в экзистенциально-проблемной ситуации, то способности символизации объекта сопряжены только с выбором, удовлетворительно разрешающим проблемную ситуацию. Наши понятия возникают в результате стремления чувственного опыта к самоорганизации и саморегулированию. Они «изобретаются» (Джемс) выдающимися индивидами, доказывают свою безусловную полезность, представая перед людьми затем как бесспорные и врожденные.

Можно сказать, что значения не просто обнаруживаются в опыте – их изобретают для конкретных целей. Они являются, по существу, выражением творческой активности человека. Наши понятия и категории суть наши устанавливания для каких-то целей. Пытаться представить их в виде адекватного отражения наличного обстояния дел – значит редуцировать действительность

посредством втискивания цветущей сложности мира в наши жесткие упрощающие формы. При этом некоторые важнейшие аспекты действительности (например непрерывность) проскальзывают незамеченными через отверстия нашей понятийной «сети», которую мы набрасываем на мир. В силу своей неизбежной расчлененности понятия могут покрывать непрерывную реальность лишь пятнами.

Потому истинно то, что успешно руководит нашим опытом. В упомянутой статье Джемс утверждает, что «мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, постольку они помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта» [4]. Истина, по Дьюи, – это оправданная утверждаемость или работоспособность идеи в соответствующей ситуации: истинна та идея, действие которой приводит нас к тому, для чего она предназначена. Истины не присутствуют в ситуациях с самого начала, их надо создать. Они соотносятся с реальностью не как фотографии с их объектами, но скорее, как изобретения с условиями, которым должно отвечать изобретение.

Таким образом, американская философия XX века в лице характерных своих представителей (реалистские и прагматистские учения), во-первых, продолжила разработку гносеологической проблематики, развивая философскую линию английского эмпиризма (Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, утилитаристы), а во-вторых, предложила оригинальные философские идеи, резонирующие со схожими интеллектуальными новациями в европейской философии (Р. Авенариус, Э. Мах, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, «философия жизни»).

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 110–111.
2. Хилл Т. Современные теории познания. – М., 1965. – С. 99–107.
3. Сантаяна Дж. Скептицизм и животная вера. – СПб., 2001. – 387 с.
4. Джемс У. Что такое прагматизм? // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 7 «Философия». – 1994. – № 4. – С. 82–83, 85.

References

1. Gegel' G.V.F. Lektzii po istorii filosofii [Lectures on the History of Philosophy]. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 110–111. (In Russ.)
2. Hill T. Sovremennye teorii poznaniya [Modern theories of cognition]. Moscow, 1965, pp. 99–107. (In Russ.)
3. Santayana Dzh. Skeptitsizm i zhivotnaya vera [Scepticism and animal faith]. St. Petersburg, 2001. – 387 p. (In Russ.)
4. Dzhems U. Chto takoe pragmatizm? [What is pragmatism?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 «Filosofiya»* [Bulletin of Moscow University. Series 7 “Philosophy”], 1994, no 4, pp. 82–83, 85. (In Russ.)